

УДК 347.4
ББК 67.404

РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНОГО ПРАВА РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Т. А. Савельева

*Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
(Новосибирск, Россия)*

Аннотация: В статье анализируются ключевые векторы эволюции договорного права России и современные вызовы, порождаемые трансформацией порядка заключения и исполнения договоров в эпоху развития цифровых технологий, появлением новых объектов гражданских прав, включая цифровые финансовые активы. Основным вызовом является опережающее развитие технологий в сравнении с нормативной регламентацией. В порядке приглашения к дискуссии автор ставит вопрос о том, должен ли законодатель ставить цель урегулировать отношения, успевая за развитием технологий. Или целесообразно исходить из расширения дискреции суда при разрешении споров?

Очевидным вектором договорной практики является дистанционное взаимодействие сторон в информационной среде, которое создает вызовы, касающиеся идентификации и распознаваемости воли субъектов, распределения рисков технологических сбоев. По мнению автора, введение конструкции дистанционного договора (наряду с рамочным договором, договором присоединения, публичным договором) может стать ответом на данные вызовы. Автор предлагает также разработку новой доктрины защиты слабой стороны договора в рамках эволюции свободы договора.

Ключевые слова: договорное право, цифровизация, свобода договора, электронная форма, информационная асимметрия, дистанционный договор, смарт-контракт

DEVELOPMENT OF RUSSIA'S CONTRACT LAW: CURRENT CHALLENGES

T. A. Savelyeva

Novosibirsk Law Institute (branch), Tomsk State University (Novosibirsk, Russia)

Annotation: The article analyzes the key vectors of the evolution of Russian contract law and the modern challenges posed by the transformation of the procedure for concluding and executing contracts in the era of digital technologies and the emergence of new objects of civil rights, including digital financial assets. The main challenge is the rapid development of technology compared to regulatory regulation. As an invitation to discussion, the author raises the question of whether the legislator should aim to regulate relations in line with the development of technology. Or is it advisable to expand the court's discretion in resolving disputes?

An obvious vector of contractual practice is the remote interaction of the parties in the information environment, which creates challenges related to the identification and recognition of the will of the subjects and the distribution of risks of technological failures. According to the author, the introduction of a remote contract (along with a framework contract, an adhesion contract, and a public contract) could be a response to these challenges. The author also proposes the development of a new doctrine for protecting the weaker party of a contract as part of the evolution of freedom of contract.

Keywords: contract law, digitalization, freedom of contract, electronic form, information asymmetry, remote contract, smart contract

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.18](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.18)

Информационные технологии меняют многие сферы социально-экономической жизни, затрагивают сферу гражданского оборота. Использование электронной подписи давно уже стало реальностью. В 2011 году был принят специальный закон № 63-ФЗ от 06.04.2011 «Об электронной подписи» [1]. Кардинальным образом трансформируется жизненный цикл договора: переговоры, заключение договора, исполнение переходят в онлайн-среду. Согласно приведенным DataReportal данным «по состоянию на январь 2025 года, количество интернет-пользователей в России составило 133 миллиона человек, а уровень проникновения интернета составил 92,2%» [2]. Онлайн-торговля пользуется значительной популярностью как у потребителей, так и у продавцов. Так, в 2024 году доля e-commerce составила «более 20% от всех розничных продаж в России» [3].

Все это требует реагирования со стороны законодателя. Как известно, Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 были поставлены задачи по урегулированию статуса совершаемых в письменной (электронной) форме сделок, а также автоматизированных («самоисполняемых») договоров [4].

В рамках выполнения данных задач в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК или Кодекс) были внесены изменения. В соответствии с Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ [5] заключение договоров путем обмена документами, в том числе электронными, было приравнено к письменной форме сделок (статья 434 ГК РФ). Новеллы внесены также Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ [6]. Возможность заключения договора в виде одного электронного документа (статья 434 ГК РФ [7]) открыла путь к заключению сделок с недвижимостью в электронной форме. Совершение таких сделок стало распространенной практикой. Часть 2 статьи 309 ГК РФ на законодательном уровне закреплена возможность заключения «самоисполняемого» договора.

Реалии современной жизни таковы, что вещи как объекты гражданского оборота постепенно уступают место имущественным правам. В ст. 128 ГК РФ появилось упоминание о цифровых правах как объектах гражданских прав. Принят специальный закон о цифровых финансовых активах [8].

Смещение рисков при дистанционных продажах и кредитовании поставило перед законодателем и правоприменителем вопросы распределения рисков, добросовестности профессиональных участников рынка при идентификации контрагентов.

На решение проблем, связанных с продажей товаров на маркетплейсах, таких, как несоответствие товара и его описания, отсутствие надлежащего механизма привлечения маркетплейсов к ответственности направлено принятие специального закона с датой вступления в силу с 01.10.2026 г. [9].

Во всем многообразии происходящих изменений важно выделить аспекты, определяющие вектор будущего регулирования договорных отношений как неотъемлемой части социальной жизни, оценить соответствие нормативной регламентации потребностям гражданского оборота, осмыслить потенциал различных правовых средств и выработать рекомендации по модернизации законодательства с учетом развития информационных технологий.

Информационные технологии успешно развиваются в других странах, опыт разработки правовой доктрины регулирования договорных отношений в цифровой среде других стран представляет несомненный интерес. Вместе с тем в литературе справедливо высказываются опасения об искусственном приспособлении «гражданского права, имеющего свои исторически сложившиеся институты и правовые конструкции, к чужеродному правопорядку» [10, с. 43]. С учетом этого, выявление современных тенденций и проблематики развития договорного права важно осуществлять через призму накопленного отечественного опыта, который имеет свою специфику, обусловленную целым рядом факторов.

Говоря о развитии договорного права, следует обозначить, прежде всего, то, что договор не утратит свое главное свойство — выступать эффективным правовым средством, позволяющим сторонам придать своим договоренностям юридическое силу.

Договор, как средство индивидуальной регламентации отношений его участников, играет особую роль в гражданском обороте. «Договор является идеальной формой активности участников гражданского оборота [11, с. 9]. Это обусловлено тем, что в основе договорного регулирования лежит процесс саморегулирования будущего договорного правоотношения его участниками, что делает договор и порождаемое им договорное обязательство необходимыми правовыми инструментами функционирования гражданского оборота.

Очевидным вектором договорной практики является расширение сферы дистанционного взаимодействия сторон с использованием информационных технологий. Это касается стадии преддоговорных отношений, этапов заключения договора и исполнения договорных обязательств, которые переходят в цифровую среду.

Анализ темпов развития информационных технологий и степени реагирования на них законодателя позволяет сделать вывод об опережающем развитии технологий в сравнении с правовым регулированием. Само по себе такое явление не является чем-то необычным. Жизнь всегда многообразнее и динамичнее, чем право. Особенностью текущего момента является то обстоятельство, что изменения технологического характера носят столь существенный и масштабный характер, что такое опережение является вызовом, причем вызовом особого вида.

Данный вызов требует ответа на вопрос принципиального плана. Должен ли законодатель ставить цель максимально урегулировать отношения, успевая за развитием технологий? Или данная цель является недостижимой и целесообразно исходить из расширения дискреции суда при разрешении споров подобного рода?

Заслуживает внимания высказанное в литературе мнение о возрастающей роли принципов, о том, что осложнение отношений цифровым элементом «на этапе недостаточности нормативного регулирования» требует активного использования принципов [12, с. 119]. Готов ли суд к разрешению конфликтов исходя из принципов права?

Текущее состояние правовой доктрины, к сожалению, не позволяет ответить на поставленные вопросы. Тем не менее полагаем необходимым сделать акцент на данном вызове в порядке постановки вопроса для исследования и возможного приглашения к дискуссии.

Дополнительно необходимо учитывать различия в правосознании юристов и специалистов в области информационных технологий [13]. Это порождает вопросы о том, как преодолеть данные различия? Данное обстоятельство следует признать дополнительным вызовом. Ответ на данный вызов, вероятнее всего, лежит за рамками права, но без него невозможна эффективная работа по нормативной регламентации процессов цифровизации гражданского оборота.

Говоря о принципах договорного права, нельзя обойти вопросы свободы договора. Значение принципа свободы договора (ст. ст. 1, 421 ГК РФ) выходит за рамки договорного права, поскольку свобода договора является необходимым элементом функционирования гражданского оборота в целом. Однако, как отмечал И.А. Покровский, «свобода не может быть безграничной» [14, гл. 15]. Реализация принципа свободы договора в условиях развития цифровых технологий не должна приводить к злоупотреблению этой свободой. Необходимость ограничения свободы договора в цифровой среде в интересах потребителей носит очевидный характер [15, с. 18].

По сути, всякий пользователь информационного ресурса, вступающий в договорные отношения, находится в уязвимом положении в силу информационной асимметрии и должен признаваться слабой стороной договора [16, с. 482].

С учетом этого развитие договорного права в условиях цифровой экономики требует новой доктрины защиты слабой стороны договора как необходимого элемента свободы договора в аспекте установления ее пределов. А эволюцию свободы договора следует рассматривать в качестве важнейшей тенденции развития договорного права в современный период.

Далее, на развитие договорного права оказывает влияние усложнение характера деловых связей участников гражданского оборота. Законодатель реагирует на данную тенденцию, закрепляя в Кодексе новые виды договоров (ст. ст. 824, 1012, 1027, 1035 ГК РФ), договорных конструкций (ст. ст. 429.1, 429.2, 429.3 ГК РФ). Внедрение цифровых технологий в договорную практику открывает новые возможности. Не является секретом, что для реализации большинства проектов в сфере бизнеса требуется координация исполнения различных обязательств, интеграция процессов с участием разных субъектов. Применение технологии блокчейна и смарт-контракта на его основе позволит обеспечить прозрачность и проверяемость данных [17, с. 282–283], что благоприятно отразится на доступности к кредитным средствам [18, с. 17]. Приведем пример. По договору кредитной линии заемщик и лица, предоставившие обеспечение, находятся в состоянии неопределенности относительно исполнения банком обязательств по договору об открытии кредитной линии. Это обусловлено несколькими при-

чинами: оценочными категориями, содержащимися в п. 1 ст. 821 ГК РФ относительно обстоятельств, свидетельствующих о вероятности будущей просрочки возврата кредита [19, с. 284], возможностью использования «юридически необязывающей модели» договора об открытии кредитной линии [20, с. 99], непрозрачностью процедур оценки банком финансового состояния заемщика. Потенциал смарт-контракта позволяет устранить многие из указанных причин, являющихся препятствием для получения средств благонадежными заемщиками [21, с. 111].

Использование информационных технологий влечет движение договорной практики в сторону заключения договоров в электронной форме, стандартизации договоров [22, с. 49].

Здесь же отметим возможности по автоматизированному заключению договоров. Законодателем предприняты меры по урегулированию отношений, складывающихся при заключении договора в электронной форме. Между тем в доктрине не сложилось единого мнения относительно правовой природы электронной формы сделки, многим отдельным аспектам электронного взаимодействия не уделено должного внимания. Суды испытывают затруднения по ряду важных вопросов, включая установление времени заключения договора в электронной форме [23]. При заключении договора посредством электронной почты в судебной практике возникают сложности по оценке электронных доказательств факта заключения договора. Несмотря на активное использование в обороте такого способа заключения договора, следует признать, что на текущий момент такой договор априори должен рассматриваться как «дефектный». Об этом свидетельствуют материалы судебной практики, из которой следует, что преодоление «дефектности» договоров осуществляется через анализ обстоятельств, связанных с фактическим исполнением, последующим одобрением [24, 25], применение правил о полномочиях из обстановки [26]. Это само по себе является подтверждением того, что заключение договора посредством электронной почты является уязвимым для участников гражданского оборота.

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются участники гражданского оборота при заключении договоров в дистанционном формате, является проблема идентификации субъекта и распознаваемости воли на совершение сделки. Всем хорошо известны случаи получения онлайн-кредитов лицами, которые не имели намерения их получать. Для снятия остроты вопроса законодатель ввел период «охлаждения» для договоров потребительского кредитования [27]. Очевидно, что это лишь точечное решение.

Приведенные примеры «высвечивают» лишь некоторые из проблем, вытекающих из дистанционного формата взаимодействия участников оборота. Для ответа на возникшие вызовы, вероятнее всего, необходимо переосмыслить на доктринальном уровне понимание ряда вопросов, касающихся базовых категорий гражданского права в целом и договорного права, в частности.

В литературе уделяется большое внимание исследованию правовой природы электронной формы договора, в частности, в том смысле, является ли она разновидностью письменной формы договора или должна рассматриваться в качестве самостоятельной формы сделки [28, с. 129; 29 с. 46].

Представляется, что смещение акцента при исследовании в сторону формы договора сужает спектр вопросов, на которые должен ответить законодатель. Эти вопросы касаются не только стадии заключения договора, но и последующих этапов жизни договора. Они обусловлены в большей степени не формой договора или способом его заключения, а дистанционным характером взаимодействия сторон. По сути, речь может идти о специальном правовом режиме таких сделок, адекватной формой закрепления которого было бы введение понятия дистанционного договора как самостоятельной договорной конструкции [30, с. 1067]. Вопрос терминологии для обозначения данной конструкции не является принципиальным. В литературе рассматриваемые договорные отношения предлагается именовать как «отношения, осложненные цифровым компонентом» [12, с. 109]. По нашему мнению, выражение «дистанционный договор» является более понятным и в большей степени отражает специфику.

Выделение новых договорных конструкций является закономерностью развития договорного права, проявлением тенденции дифференциации правового регулирования договорных отношений. Введение конструкции дистанционного договора (наряду с рамочным договором, договором присоединения, публичным договором) позволит ответить на вызовы, которые ставит жизнь при дистанционном взаимодействии участников в цифровую эпоху. Требуется не только переосмысление пони-

мания воли и волеизъявления лица, идентификации лица в цифровой среде. В рамках специального режима должны быть решены вопросы обеспечения баланса интересов сторон на всех циклах договорного обязательства, не ограничиваясь заключением договора. Подлежат разработке новые критерии для признания субъекта «слабой стороной», создание новых специальных средств защиты такого субъекта с учетом информационной асимметрии. Подлежат пересмотру вопросы распределения бремени доказывания и несения рисков технологических сбоев.

Дополнительным вызовом для договорного права является появление новых объектов гражданских прав. Речь идет о цифровых правах (ст. 141.1 ГК РФ). Их правовой режим является дискуссионным. По мнению Е. А. Суханова, цифровые права не являются отдельным видом гражданских прав, а представляют собой способ фиксации прав [31, с. 26]. Не все ученые согласны с этим, высказано мнение, что «отличительной чертой всех цифровых активов является не форма их выражения (существование в цифровой (двоичной) среде), а то обстоятельство, что применительно к таким активам сложно разделить имущественную и неимущественную составляющую» [32, с. 69]. Неоднозначным является вопрос о правовом режиме цифровых финансовых активов, не являющихся цифровыми правами. В судебной практике возникают споры о принадлежности логинов и паролей к социальным сетям [33], о действительности сделок с криптовалютой [34,35].

В заключение можно отметить, что современный этап договорного права можно охарактеризовать как этап эволюционного развития, этап поиска ответов на вызовы, которые возникают в силу развития цифровых технологий. Таким поиском должна заниматься, прежде всего, наука. Научные исследования должны опираться не только на догму права, но и на глубокий анализ фактически складывающихся отношений, прогноз их развития в цифровую эпоху, переосмысление на этой основе базовых категорий договорного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры [Электронный ресурс] // WebCanape. — URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/>.
3. Аналитики подвели итоги 2024 года на рынке онлайн-торговли. Главное [Электронный ресурс] // АО «Точка». — URL: <https://allo.tochka.com/news/itogi-2024-ecomm>.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (с изменениями // СПС «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
6. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. N 12. Ст. 1224.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изменениями) // СПС «Консультант Плюс».
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (с изменениями и дополнениями // СПС «Консультант Плюс».
9. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
10. Суханов Е. А. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. С. 37–52. DOI: 10.24031/2226–0781–2025–15–1–37–52 (www.doi.org).
11. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. — М.: Издательство «Статут», 1998. 682 с.

12. Суворов Е.Д. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 109–121. — DOI:10.17803/1729-5920.2022.182.1.109–121.
13. Léonard Van Rompaey, Robert Jønsson, Kathrine Elmoose Jørgensen (2022) Designing lawful machine behaviour: Roboticians' legal concerns, *Computer Law & Security Review*, Volume 47, 105711, <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105711>.
14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права М.: Статут, 1998. 353 с.
15. Verstappen J. Legal agreements on smart contract platforms in European systems of private law: formation, interpretation, vitiation, and consumer protection in English, French, German, Dutch, and European Union contract law. PhD thesis. Maastricht University. 2023. 437 p.
16. Савельева Т.А. Цифровизация: защита слабой стороны договора // *Цифровые технологии и право: сб. тр. I Междунар. науч.-практ. конф: в 6 т. Т. 2 / под ред. И.Р. Бегишева. Казань: Познание, 2022. С. 478–490. EDN: VDLOAJ*.
17. Fabian Dietrich, Daniel Palm, Louis Louw (2020) Smart contract based framework to increase transparency of manufacturing networks, *Procedia CIRP*, Volume 91, Pp. 278–283, <https://doi.org/10.1016/j.procir.2020.02.177>.
18. TianLin Zhang, JinJiang Li, XINBO JIANG (2021) Supply chain finance based on smart contract, *Procedia Computer Science*, Volume 187, Pp. 12–17, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.04.027>.
19. Савельева Т.А. Вероятность будущей просрочки возврата кредита как основание для отказа от исполнения кредитного договора: актуальные проблемы применения пункта 1 статьи 821 ГК РФ // *Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3-А. С. 275–286*.
20. Савельева Т.А. Договор об открытии кредитной линии: возможные правовые модели, влияние квалификации на интересы заемщика и лиц, предоставивших обеспечение / Т.А. Савельева // *Закон и власть*. — 2025. — № 9. — С. 97–102. — EDN BDPIYL.
21. Савельева Т.А. Использование потенциала искусственного интеллекта и смарт-контрактов при ипотечном кредитовании / Т.А. Савельева // *Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20 сентября 2024 года*. — Казань: Издательство «Познание», 2024. — С. 101–113. — EDN UTRNJT.
22. Cutts T. Smart Contracts and Consumers // *LSE Law, Society and Economy Working Papers*. 2019. № 1. Pp. 1–52. DOI: 10.2139/ssrn.3354272.
23. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.04.2021 № Ф 09–1641/2021//СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2024 № Ф05–13015/2024//СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2021 № Ф09–1869/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
26. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.03.2021 № Ф04–287/2021 по делу А45–12326/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
27. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
28. Ефимова А.Г. Ещё раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки / А.Г. Ефимова // *Lex Russica*. — 2019. — № 8 (153). — С. 129–137. — Электрон. версия печат. публ. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-ponyatii-i-pravovoi-prirode-elektronnoi-formy-sdelki>.
29. Шугаев Р.И. Электронная форма сделок: вопросы правового регулирования / Р.И. Шугаев // *Цифровое право*. — 2023. — № 4 (2). — С. 40–63. — Электрон. версия печат. публ. — URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/144?locale=ru_RU.
30. Савельева Т.А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий / Т.А. Савельева // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — Т. 1, № 4. — С. 1058–1086. — DOI 10.21202/jdtl.2023.46. — EDN LBZQZE.
31. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. 2021. Т. 21. С. 7–29.

32. Волос А.А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики / А.А. Волос // Lex Russica (Русский закон). — 2025. — Т. 78, № 5(222). — С. 68–76. — DOI 10.17803/1729–5920.2025.222.5.068–076. — EDN ACUZTP.

33. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2022 по делу А65–16901/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

34. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.08.2020 по делу № А43–34718/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88–10336/2021//СПС «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Савельева Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права НЮИ (ф) ТГУ, и. о. заведующего кафедрой гражданского права НЮИ (ф) ТГУ, эл. адрес: sta.sd@bk.ru, адрес для связи: 630007 г. Новосибирск, ул. Советская, 7